

18+

ИРИНА СОЛОВЬЕВА

КАПИТАН ИЗ ГРИНСВОЛДА

Ирина Соловьева
Капитан из Гринсволда

«Издательские решения»

Соловьева И.

Капитан из Гринсволда / И. Соловьева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-982228-4

Ирина рассказала прекрасную историю об Эдвине Томасе Виндзе — человеке с сильным характером и непростой судьбой. Советую почитать и окунуться в море приключений, вдохнуть запах надвигающегося шторма и ощутить прикосновение соленых брызг... (Из отзыва читателя И. Юхман)

ISBN 978-5-44-982228-4

© Соловьева И.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Сэвидж	7
Часть 2. Обретение имени	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Капитан из Гринсволда

Ирина Соловьева

*Добро и зло в стране чудес
Как и везде, встречаются,
Но только здесь они живут
На разных берегах...
(В. Высоцкий)*

© Ирина Соловьева, 2020

ISBN 978-5-4498-2228-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Это было в прекрасной стране.

Там живут сильные и смелые люди – матросы, рыбаки, поэты. Там светит солнце и шумит прибой, и летят по волнам похожие на чаек парусники и плывут в небесной синеве чайки, похожие на красавцы-парусники.

И там существует зло и несправедливость, но они недолговечны. И добро берёт верх над злом, и справедливость одерживает победу над несправедливостью...

Там у людей ясные глаза и чистые души, и всегда в трудную минуту рядом оказывается верный друг...

Там солнце освещает по утрам черепичные крыши белых домов, тонущих в зелени садов, и скатывается вечером в море, оставляя за собой на воде золотую полосу...

Страна эта реальна, как дыхание и нереальна, как сон.

Великий мечтатель Александр Грин открыл её впервые почти столетие назад, и теперь она носит имя Гринсволд – страна Грина.

«За особые заслуги перед городом орденом Чести награждается командир отряда стрелков морской охраны капитан Эдвин Томас Виндз.»

Сердце стукнуло и забилося в гулкой пустоте. Орден Чести был высшей наградой Гринсволда.

Десять шагов отделяло его от стола мэра. Десять секунд он шёл к награде. Десять секунд... и всю жизнь. И путь его не был ни легким, ни быстрым.

Нет более бестолкового и чудесного порта, чем Лисс, кроме, разумеется, Зурбагана...

...Желтый камень, синяя тень, живописные трещины старых стен... свитки парусов, их сон и крылатое утро, зеленая вода, скалы, даль океана...

(А. Грин)

Часть 1. Сэвидж

*Как во смутной волости,
Лютый-злой губернии
Выпали молодцу
Все шипы да тернии...
Он обиду зачерпнул,
зачерпнул —*

*Полные пригоршни,
Ну а горя, что хлебнул,
Не бывает горше...*

(В. Высоцкий)

*Мы пьем не потому,
что тянемся к веселью,
И не разнузданность
себе мы ставим целью...*

*Мы от самих себя
хотим на миг уйти,
И потому к хмельному
склонны зелью!*

(Омар Хайям)

Он вырос в монастырском приюте. С детства окружали мальчишку высокие стены, постные лица, молитвы, молитвы без конца и края. Эти молитвы, да еще многочисленные, по поводу и без повода, наказания составляли весь арсенал средств, которыми монахи направляли юные души на праведный путь.

Воспитанники, впрочем, не слишком стремились обрести духовную благодать и, в отсутствие наставниц, устанавливали свои законы, главным, из которых был закон силы. Избивали, отбирали скудную еду, заставляли прислуживать себе. Чтобы отстоять свою независимость, приходилось драться.

Неда прозвали Дикарем за нелюдимость и бешеную ярость, с которой он кидался в драку. Даже более сильные противники не решались связываться с ним. Впрочем, первым Нед никогда не задирался и любой компании предпочитал одиночество. С годами его все больше занимал вопрос о родителях. Кто они, почему оставили его, живы ли? Нед ничего не знал о родных,

ни имен, ни фамилий. Когда ему шел двенадцатый год, он попытался залезть в приютскую канцелярию, чтобы отыскать в личном деле ответы на свои вопросы. Его поймали. Месяц он отсидел в карцере на хлебе и воде и в первую же ночь, как вышел оттуда, сбежал. Его не искали. Одним больше, одним меньше – какая, собственно, разница? Монахиням вполне хватало оставшихся.

Нед освоился на улице. За несколько лет он сменил немало занятий. Был продавцом газет, чистил обувь, мыл посуду в тавернах. Какой-то американский матрос, услышав, что Неда зовут Дикарем, перевел его кличку на английский – Сэвидж. Это прозвище Нед стал использовать как фамилию. Он выдумал все: дату и место рождения, возраст, имя отца. Только имя было подлинным – Нед, Эдвин.

В пятнадцать лет он устроился юнгой на шхуну. За полтора года службы научился работать с парусами, держать курс по компасу и звездам, определять глубину фарватера и скорость судна. Узнал кое-что о хитростях торговли и приобрел практику в употреблении крепких напитков. Может, так и остался бы Нед служить на «Гаранте», но сменился капитан, а новому не по душе пришлось задиристый парень, от шуточек которого покатывалась со смеху команда. И юнга оказался на берегу...

Кое-как протянул пару месяцев, перебиваясь с хлеба на воду. Кто-то посоветовал попытаться счастья на сахарных плантациях. Нед наврал в конторе, что ему уже восемнадцать. (Моложе на эту каторжную работу не брали.) Ему поверили. Широкоплечий, рослый, он в свои неполные семнадцать вполне мог сойти за восемнадцатилетнего.

Но работа на плантации – явление сезонное. Осенью Нед вернулся в Зурбаган, поближе к порту. Да только не спешили капитаны брать в команду безработного юнга. Бывший его хозяин, капитан «Гаранта», в отместку за насмешки пустил слух, будто, уходя, прихватил Сэвидж из его каюты деньги и золотые часы. Было это ложью от начала до конца, но люди говорили парню в лицо: «Кто тебя знает? Может, ты и не брал ничего, да ведь дыма без огня не бывает.»

Отчаявшись найти работу в городе, Нед бродил по окрестным деревням, нанимаясь к фермерам на самую тяжелую и грязную работу.

Ненастной ноябрьской ночью, возвращаясь в Зурбаган, заметил Сэвидж в стороне от дороги огонек. Вконец замерзший и усталый, свернул на неяркий свет, и вскоре тропинка вывела его к просторному двухэтажному дому. Дверь на стук открыли сразу, словно парня ждали. Так Сэвидж попал в коммуну, состоящую из десятка ребят и Николая Ивановича Ковалева – заведующего, учителя и мастера в одном лице. Все необходимое по хозяйству делали сами ребята. Была, кроме работы, и учеба...

Неда с горем пополам научили в приюте читать и писать, но Библия и жития святых не располагали к чтению, а на улице и вовсе было не до этого. Здесь же он впервые открыл для себя книги. Забыв обо всем на свете, часами просиживал юноша в библиотеке, глотая книгу за книгой. Спящий мозг проснулся, жадно требуя все новой и новой пищи для размышлений. Но вместе со знаниями приходила тревога. Отложив книгу, Нед задумывался: что ждет его в будущем? Он не сможет прожить всю жизнь в коммуне, это ясно. А куда идти? Снова на улицу, голодать и скитаться? Зачем же тогда он тратит столько сил и времени на учебу? Грести навоз можно и без знания древней истории.

Мысли эти тревожили его. Но еще больше тревожило другое. Немало повидавший грязи, выросший в презрении парень никак не мог убедить себя, что Николай Иванович искренне доверяет ему. Чем чаще Ковалев повторял, что Нед ничем не хуже окружающих его людей, тем сильнее казалось Сэвиджу, что учитель врет, что он, как и прочие, считает его вором и презирает в душе.

Все чаще Нед думал о том, что бесполезно пытаться изменить жизнь, что, как бы он ни старался, судьба его быть бродягой, изгоем.

Не в силах справиться с отчаяньем, Сэвидж стал грубить, отказывался от работы и порой кулаками отвечал на безобидные замечания товарищей. Конфликт все разрастался и Ковалев, наконец, был вынужден попросить Сэвиджа быть посдержаннее или оставить коммуны. Нед выбрал второе...

О том, что было дальше, вспоминать больно и страшно. Отчаянье и гнев – плохие советчики. Путь, подсказанный ими, вел в пропасть.

Мстя самому себе, Сэвидж стал жить по принципу «Чем хуже, тем лучше», старательно доказывая окружающим, что они не ошибаются, считая его подонком. Прежде не терпевший грязи и неряшества, он опустил себя, перестал следить за собой, пристрастился к водке, добывая деньги на выпивку весьма сомнительными путями. Немытый, нечесаный, в заскорузлых, насквозь пропитанных грязью лохмотьях, с мутным от водки взглядом, Сэвидж выглядел пугалом, но его это мало волновало. Он почти потерял контроль над собой, дойдя до состояния скотского и непристойного, подчиняясь единственному желанию: пить, пить до беспамятства, до одури, чтобы не знать, не помнить о том, что он – человек, забыть, о чём мечтал, читая книги, что вообще мечтал о чём-то... Забыть, что есть мир за пределами кривых горбатых переулков, грязных задворков, воняющих перегаром и табачным дымом притонов, где в почерневших от копоти стенах копошится человеческое отребье... Лишь порой, в минуты просветления, его охватывал ужас. Кем он стал, что сделал со своей жизнью? Спасаясь от этих мыслей, он вновь и вновь прибегал к испытанному средству – выпивке...

В портовых кабаках за ним закрепилась слава отчаянного драчуна и задиры. О драках с его участием ходили легенды. Словно в поисках гибели, Нед бросался в схватку, очертя голову, не глядя ни на число противников, ни на их физическую силу. Казалось, что умереть для него не так страшно, как жить. Но смерть почему-то обходила его стороной...

Как-то к Сэвиджу за стол подсел человек, костюм которого и вся манера держаться свидетельствовали о принадлежности к людям обеспеченным. Господин этот рядом с грязным оборванцем выглядел весьма странно, но, похоже, его это не заботило.

– Добрый день, Нед,

– Откуда вы знаете мое имя?

– Узнал у трактирщика. Ты – личность достаточно известная в порту.

– Ну, так что из этого?

Господин придвинулся ближе

– Я довольно долго наблюдал за тобой. Ты смел, решителен, находчив. Но ты бездарно тратишь время, стараясь попасть на тот свет раньше, чем назначено Богом. На мой взгляд, если уж рисковать, то стоит иметь за это что-нибудь получше синяков и ссадин... Почему бы тебе ни присоединиться к вольным торговцам?

Нед насмешливо прищурился.

– Интересно, каким же образом? Я, ребята, тут мимо проходил, решил заглянуть... Так, что ли?

– Дело только за этим?

Сэвиджу стало не по себе под колючим взглядом собеседника.

– Да.

– В таком случае, проблема решена. Приходи сегодня вечером в Песчаное ущелье. Знаешь, где это?

– Знаю.

– Только смотри, не напивайся. В горах опасные тропинки, того и гляди – сорвешься.

Нед подбросил на ладони пару медяков.

– Захотел бы, не смог напиться. Это все, что у меня есть.

– Скоро у тебя будут деньги. Вольные торговцы хорошо платят. А теперь – прощай. Увидимся вечером.

В тот вечер Сэвидж был принят в общество контрабандистов. Его поставили напарником Лючиано, старого рыбака из ближнего поселка. Тот лишь фыркнул, услышав это, а, уходя, бросил на прощанье:

– Мыть лодку каждый раз после тебя я не намерен, так что потрудись привести себя в порядок.

Умойся, тряпье свое постирай, руки песком, что ли, ототри. И еще: в свободное время хоть залейся водкой, но в море должен идти трезвым. Мне с тобой там возиться некогда, утоплю – и весь сказ.

Слова ли старика так подействовали, или самому Сэвиджу надоело валять дурака, только Лючиано не вдруг узнал парня при следующей встрече. Старик покрутил головой, усмехнулся в усы: «Так-то лучше. Хоть на человека стал похож...». Вслух же сказал совсем другое: «Бери весла, поглядим, каков ты в деле...».

Контрабанда приносила хотя и весьма нерегулярный, но довольно ощутимый для нищего бродяги доход. Пил теперь Сэвидж значительно меньше, но свободное время по-прежнему предпочитал проводить в кабаках и дрался он ничуть не реже, чем раньше. Во время одной из драк его арестовали. Срок он получил почти символический – полгода принудительных работ – и был отправлен в Угорье.

Поселок Угорье – это обнесенные колючей проволокой бараки рядом с карьером, где добывают камень. На работу – строим, с работы – строим, в столовую, в барак – везде строим.

«Осужденный Сэвидж, статья №..., срок 6 месяцев, для получения наряда прибыл...». «Господин майор, доктора надо... Помрет ведь, чего доброго».

Сэвидж заболел. Организм, ослабленный предыдущими голодовками и алкоголем, не выдержал тяжести работы каменотеса. К концу четвертого месяца парня свалила рудничная лихорадка. Впрочем, он был не одинок. Хворь эта поражала чуть ли не каждого второго. Некоторые переносили лихорадку относительно легко, даже не обращались к врачу. Других, так же, как Сэвиджа, болезнь укладывала надолго.

Несколько дней метался Нед в бреду, жар не могли сбить никакими силами. Текла из горла на пол обжигающая кровь... Потом бред стих, температура снизилась, но навалилась такая слабость, что не было сил даже шевельнуть рукой. И при малейшем напряжении снова начинала идти горлом кровь.

Медленно, с огромным трудом приходил в себя Сэвидж.

Ему оставалось меньше месяца до конца срока, он уже числился в выздоравливающих и по мере сил помогал на кухне, когда его вызвал к себе майор.

– Там к нам журналист из «Независимой газеты», хочет побеседовать с кем-нибудь из осужденных. А ты один не занят, так что пойдешь ты. И смотри мне, не подведи. Кто их знает, этих писак...

Конвойный доставил Сэвиджа в комнату для свиданий. Одно название: «комната». Побелка почернела от копоти, на единственном окне – решетка (тут везде решетки), из мебели – пара привинченных к полу табуретов. Войдя, Нед решил было, что конвоир ошибся и ему не сюда. Журналист представлялся ему солидным немолодым господином, а у окна стояла девушка. Вряд ли старше его самого, невысокая, худенькая, русые волосы до плеч. Мимо такой на улице пройдешь, не заметишь. Но конвоир подтолкнул его вперед.

– Вот, значит, доставил, как вы просили. Вы тут поговорите, а как закончите, тут звонок есть, я тогда приду.

Щелкнул замок на двери. Девушка вздрогнула, но тут же улыбнулась.

– Давайте знакомиться. Я корреспондент «Независимой газеты» Дина Быстрова.

Нед и сам не заметил, как рассказал Дине много больше, чем собирался вначале. Ей было хорошо рассказывать, она умела слушать, и видно было, что собеседник ей действительно интересен, что интерес этот не показной.

Сэвидж был потрясен, увидев на глазах у девушки слезы. Он принялся было неловко ее утешать, но быстро замолчал, потому что и у него вдруг запершило в горле...

Все, знающие Сэвиджа, заметили, как изменился он после освобождения. Никто теперь не видел парня пьяным и драки с его участием отошли в прошлое. В прошлом остались и грязные лохмотья. Неда бросало в жар при мысли, что Дина могла видеть его таким, как он был прежде – валяющимся в грязи, пьяным до бесчувствия.

Денег, скопленных за несколько рейсов с Лючиано, хватило, чтобы купить лодку. Сэвидж зарегистрировался как рыбак и регулярно платил налоги. Полиция, первое время внимательно наблюдавшая за ним, успокоилась. А между тем, не только рыбу привозил Нед в своей лодке, и порой появлялись в хижине люди, не имеющие никакого отношения к рыбной ловле. Контрабанда по-прежнему была основным источником доходов для Сэвиджа. Он уже втянулся в эту игру и чувствовал в себе силы принимать в ней участие на равных. Опасность, риск притягивали его, как наркомана очередная «доза». И немало за три года набралось на счету Сэвиджа дел, не делавших чести ни полиции, ни таможенной службе...

Гонит неудачников
По миру с котомкою,
Жизнь течет меж пальчиков
Паутинкой тонкою...
А которых повело, повлекло
По лихой дороге,
Тех ветрами сволокло
Прямиком в остроги...
(В. Высоцкий)

Сэвидж осторожно повернулся на дощатой койке. Избитое тело болело. Полицейские вчера не слишком вежливо обошлись с ним при аресте. Да и то сказать, что он за птица такая, чтобы с ним церемониться. Спасибо, хоть не убили. А ведь могли. Могли... Когда этот коп стал стрелять, Сэвидж так и думал, что пристрелит. Обошлось. Только руку задело, но это пустяки, заживет. Главное, Дину не тронули. Хорошо, что она успела уйти. А ведь стояли вместе. Если бы копы усекли, затаскали бы ее по допросам, а она вовсе ни при чем. Вчерашняя встреча – случай, не больше. Дина провожала кого-то в порту, а у Сэвиджа там знакомых – море, заглянул повидать кое-кого. Уже уходить собирался, когда Быстрову увидел. Стояли, разговаривали, а тут – мальчишка: «Копы в порту, за тобой!». И сразу фуражки замелькали. Нед прикрыл глаза. Ярко, словно на экране, мелькали картины вчерашнего. Поняв, что уйти не успеет, он повернулся к растерявшейся Дине.

– Вам лучше уйти. Не надо, чтобы нас сейчас видели вместе.

– Но что случилось, Нед?

– В порту полиция. Они уже давно охотятся за мной, подозревают в контрабанде, но доказательств у них нет...

Дина хотела еще что-то сказать, но Нед подтолкнул ее к выходу из порта, глазами показал: «Уходи». Она пошла к воротам но, едва свернула за угол, сзади послышались выстрелы. Дина торопливо повернула назад.

Стрелял молодой полицейский, в нарушение всех правил, без предупреждения. Пуля оцарапала плечо Сэвиджа.

Четверо против одного – слишком неравная схватка. Через несколько секунд все было кончено. Сэвиджа свалили на землю, надели наручники, резко, рывком, подняли. На какие-то мгновения Дина увидела его лицо, потемневшее от пота и пыли. Пряди растрепавшихся волос прилипли ко лбу, на скуле свежая ссадина. Из разбитой губы струйкой течет кровь, капает на разорванную рубашку. Рукав тоже пропитан кровью, темное пятно расплывается все шире.

Вновь Дина увидела Сэвиджа лишь в зале суда. Он был все в той же рваной рубашке и похоже было, что за все время, прошедшее со дня ареста, ему ни разу не довелось умыться.

Властям очень хотелось показать Сэвиджа окончательно опустившимся человеком, изгоем, не заслуживающим ни внимания, ни снисхождения. Это оскорбляло и злило Неда, но, когда, он заявил, что не выйдет в зал суда в таком виде, ему ответили: «Вытащим!». Он не сомневался, что угроза эта не пустая.

Сэвидж сидел, ссутулившись, положив на колени локти сомкнутых рук. Лишь изредка поднимал он глаза, но тут же, словно обжегшись, вновь отводил взгляд. Дина огляделась.

Оказывается, Нед боялся смотреть на человека в пятом ряду, еще довольно молодого, но рано поседевшего. Дина знала его. Это был Николай Иванович Ковалев, руководитель коммуны, в которой одно время жил Сэвидж. Ковалев смотрел на Неда, не отрываясь, и в глазах его была боль.

В перерыве Дина пробралась к Ковалеву, тронула его за руку.

– Вы меня не узнаете? Я Дина Быстрова, журналистка. Я приходила к вам, когда писала о Неде, помните?

– Как же, помню. Вы хорошо написали тогда о нем, спасибо... А теперь, видите, опять какое горе... Вы снова будете писать?

– Еще не знаю. Вы сами видите, что здесь творится. Из Неда сделали какого-то дикаря, полудиота. И самое обидное, что публика верит этому.

– А вот здесь вы не правы! – раздался рядом веселый голос.

Дина обернулась. Перед ней стоял паренек в студенческой куртке. Веснушки на его носу задорно блестели.

– Каждому здравомыслящему человеку ясно, что, хоть фамилия парня и Сэвидж, он вовсе не дикарь и не идиот. У него глаза думающего человека и он не виноват, что ему не дают договорить, а все сказанное выворачивают наизнанку.

– Спасибо вам, юноша. Приятно знать, что у нас в зале есть единомышленники. Позвольте узнать ваше имя?

– Тим Клэр, студент-биолог.

– Рада познакомиться с вами. Моя фамилия Быстрова, я журналист, а это...

– Ковалев, педагог.

– Я читал ваши статьи и восхищаюсь ими, а вы, верно, пришли из профессионального любопытства?

– Не совсем. Уже идут судьи, Тим, вам пора занимать свое место. Ни к чему дожидаться замечания от секретаря.

– Я уйду, но позвольте, я найду вас после заседания. Мне хотелось бы кое-что уточнить.

– Мы встретимся, Тим, – ответила Дина, – Только тогда и я задам вам несколько вопросов. Надеюсь, вы не откажетесь дать небольшое интервью?

– С удовольствием! – Тим поспешил на свое место, а Дина села рядом с Ковалевым.

Подсудимому было дано последнее слово. За перегородкой, отделяющей его от зала, поднялся юноша, звякнул наручниками. Заговорил чуть охрипшим голосом:

– В последнем слове принято оправдываться или каяться. Я не буду делать ни того, ни другого...

Он переглотнул, продолжал спокойнее:

– Здесь из меня хотели сделать то ли придурка, то ли последнего бандита. Глядите, мол, уважаемые господа, каковы на деле эти бродяги, за которых вы так волнуетесь! А я такой же человек, как и вы, с душой и сердцем. Только два человека в этом зале имеют право упрекнуть меня. И перед ними я виноват, и у них прошу прощения. Что же до остальных... Я подчиняюсь силе, но не признаю ее справедливости. Я все сказал.

Зал возмущенно зашумел, и секретарю пришлось долго трясти колокольчик, прежде чем восстановилась тишина. Судья объявил приговор. За контрабандный ввоз товаров, незаконное ношение оружия, сопротивление при аресте, бродяжничество Эдвин Сэвидж приговоривался к восьми годам тюремного заключения.

Пустив в ход обаяние и журналистское удостоверение, Дина сумела прорваться к Сэвиджу до того, как его увезут в тюрьму.

Когда Дина вошла в камеру, Нед сидел, закрыв ладонями лицо, плечи его вздрагивали. Услышав стук двери, вскочил, порывисто шагнул к Дине. Глаза его были сухими. Девушка взяла его за руки, глянула в лицо. Нед опустил голову.

– Измажетесь, я грязный...

И добавил с горькой усмешкой:

– Я же бродяга...

– Ничего. – Дина осторожно отвела с его лба спутанные волосы, дотронулась до ссадины. – Болит?

– Ерунда. – Нед поднял на Дину тоскливые глаза. – Я ведь смертник. Мне этих восьми лет не пережить, и тюремная больница не поможет. А я так хочу жить! Мне ведь двадцать два всего, рановато на тот свет.

– Не надо так, Нед...

– А как надо?! Студенту тому, что к вам подходил, мама с папой безбедную жизнь обеспечили, вот он и ходит, ясный, как солнышко. А я родных не знаю, словно сразу от чужой тетки на свет родился. И за каждый кусок мне драться пришлось. Я не бандит, не вор. И крови на мне ничьей нет. Так почему я должен умереть?!

– Они ведь не знали о твоей болезни...

– А если бы знали, так что? Вместо тюрьмы на курорт бы отправили?

Нед помолчал, потом тихо произнес:

– Простите. Разнылся я. Вы, верно, думаете, вот, мол, прижало, он и выкручивается. Не знаю, может и так... Но я человек еще не конченный. Верите?

– Верю, Нед. Конечно, верю.

Щелкнул замок, в камеру вошли конвоиры. Дина крепко сжала руку Сэвиджа и быстро вышла. Ее душили слезы.

В скверике позади здания суда Быстрову ждали Ковалев и Тим Клэр. Тим горячо говорил:
– Я не понимаю, почему суд вынес подобный приговор. Доносы, анонимки, показания какого-то шпиона – и ни одного стоящего доказательства! Мало ли, что шпион придумает! И как, ответьте мне, можно считать бродягой человека, зарегистрированного как рыбак? А сопротивление властям? Если бы в меня стреляли, я бы тоже постарался куда-нибудь спрятаться!

Как Дине ни было плохо, она не смогла не улыбнуться.

– Вы ошиблись призванием, Тим. Вам надо было поступать на юридический. Из вас получился бы хороший адвокат, как раз такой, как был нужен сегодня Сэвиджу.

– Вы видели его, говорили с ним? Что он вам сказал?

Дина взглянула на Ковалева.

– Он просил передать вам, что еще не совсем конченный человек...

Тот грустно улыбнулся.

Обитая железом дверь захлопнулась с грохотом...

Парень вздрогнул, приподнялся, непонимающе обводя взглядом тонушую в полумраке комнату. Вспомнил, где находится, опустился на подушку.

Тюремная больница. Вот уже третий месяц, как его перевели из камеры в эту палату. Рудничная лихорадка убивала медленно, но верно... Там, на воле, он почти забыл о ней, хотя жизнь его мало напоминала санаторий. Но вот уже восемь месяцев, как он за решеткой. Сырой, затхлый воздух плохо протапливаемой камеры сделал свое черное дело. Болезнь вернулась. Подарок из Угорья, будь оно неладно...

В палату вползал неторопливый январский рассвет.

Больничные дни шел своим чередом. Соседи не трогали парня на крайней койке. Все давно привыкли к тому, что ее обитатель целыми днями молчит, разглядывая потолок или стену напротив. Трудно сказать, что увлекательного находил он в этом однообразном зрелище, но отрывался от него с большой неохотой, отделяясь от всех попыток втянуть его в разговор односложными «Да», «Нет», «Не знаю». Шептались, что парню есть, о чем порассказать, потому что слыл он одним из самых ловких контрабандистов побережья, и немало на его счету было дел, не делавших чести таможенной охране. Но разговорить его не удавалось никому...

К весне молодой организм взял свое. Болезнь отступила, постепенно вернулись силы. И вместе с ними пришло решение – бежать! Он не переживет здесь и второй зимы, не то что восьмой. Значит, до ее наступления его здесь быть не должно.

Тайком от всех юноша принялся за физические упражнения, возвращая себе утраченную форму. Когда разрешили прогулки, он внимательно приглядывался к стене, окружающей двор, примечая зорким глазом выбоины и выступы в крошащихся от старости кирпичях.

И однажды, когда охранник зазевался, он метнулся к стене, в два приема, обдирая о колючую проволоку кожу, очутился наверху и скользнул в заросший высокой травой оборонительный ров. Вслед ему запоздало захлопали выстрелы.

И уже находясь далеко, в безопасном месте, он счастливо рассмеялся: «Свободен! Свободен, как ветер, как эта птица, что летит высоко над ним! Какое это чудесное слово – «СВОБОДА!». Тут мысли его приняли другое направление.

«Полиция наверняка уже на ногах, в городе показываться нельзя. Между тем не мешает сменить робу на что-нибудь менее примечательное. Разгуливать в ней – все равно, что повесить на грудь плакат: „Я сбежал из тюрьмы“. Кое-что есть в хижине, где я жил, если только там не побывали непрошенные гости. Весь вопрос в том, кто доберется туда раньше – я или полиция. Рискнуть?». Нед пружинисто вскочил и отправился в путь.

Меньше, чем через час, он спустился к укрывшейся в тени обрыва хижине. Следов на берегу не было. Сэвидж скользнул внутрь, постоял, привыкая к полутьме. Похоже, жилище его осталось нетронутым. Самодельная мебель, нехитрая утварь на полке в углу – все готово, все ждет хозяина. Только хозяину сейчас – ох, как некогда.

Нед торопливо переоделся, рассовал по карманам табак, спички, нож, прихватил с кровати куртку и вышел. Неподалеку, в укромном гроте (не знаешь – не догадаешься) стояла лодка. Он перевернул ее вниз килем, бросил на дно куртку и лег. Можно было не спешить. Здесь его не найдут, а выходить в море до темноты в его положении может только сумасшедший.

Проснулся он от голосов на берегу. В кабельтове от грота покачивался на волнах катер с надписью «POLICE» на борту. У хижины суетились фигуры в черных фуражках. Ветер донес до беглеца слова:

– Не исключено, что он появится здесь. Вы дадите ему войти и затем перекроете все пути к отступлению. Не забудьте про окно и помните, что он ловок, как кошка!

– Ну, зачем так красиво, инспектор! – Это сказал молодой полицейский, в котором, приглядевшись, Сэвидж узнал того, кто стрелял в него в порту.

– Обычный парень, не лучше и не хуже других. Если попался раз, попадется и второй.

– «Только не тебе и не сегодня!» – мысленно прокомментировал его слова Нед. Инспектор был с ним согласен:

– Не будьте так самонадеянны, Мэлен! Этот обычный парень, словно птичка, перелетел через стену вдвое выше той, что вы не смогли взять на учениях. Если я узнаю, что вы упустили его, вы в тот же час вылетите со службы! Смотрите в оба, Мэлен, смотрите в оба!

Полицейские скрылись в доме, катер с инспектором ушел в город и берег вновь опустел. Нед порадовался, что не стал дожидаться ночи, чтобы забрать вещи. Явился бы прямо в зубы полиции.

Когда стемнело, он осторожно, не плеснув, вывел лодку из грота, на веслах прошел через бухту, и, когда над лодкой взвился парус, он был уже в безопасности. Лодка неслышной тенью скользила по воде, и вместе с ней таял во тьме беглый арестант Нед Сэвидж.

Главный редактор «Независимой газеты» в гневе отшвырнул свежий номер своего издания. На третьей странице, вместо утвержденных им вчера материалов, красовалась не предусмотренная никаким планом статья Д. Быстровой «Разыскивается... преступник?».

Беда не в том, что напечатали другой материал. В газетах частенько приходится выкидывать одно, сокращать другое, вставлять третье, переделывать порой уже готовый материал.

Но вот то, о чем написано в статье... За подобные публикации ему легко могут оторвать голову, а уж кучу неприятностей он получит наверняка.

Редактор снова взял в руки газету. Это же надо додуматься: «Нарушение прав человека... презумпция невиновности... намеренное искажение фактов...» и даже «лишение элементарно необходимого»! Да за подобные обвинения все управление полиции вместе с прокуратурой и судебной коллегией накинута на «Независимую газету», жаждая крови. А расхлебывать ему, хотя он и в мыслях не держал печатать что-либо похожее.

Впрочем, надо признать, что, несмотря на резкий тон, статья абсолютно справедлива. Она могла появиться еще в прошлом году, но тогда, по звонку свыше, было запрещено касаться «дела контрабандистов». В газетах пошли лишь краткие отчеты о судебных заседаниях, бывших на самом деле сплошным фарсом. На одном из этих заседаний судили, вернее, пытались судить, некоего господина, который, имея достаточно денег, нанял опытного адвоката, сумевшего доказать, что его клиент невиновен. Второй суд состоялся над Сэвиджем.

Как и многие в газете, Дина Быстрова испытывала твердую уверенность в том, что все было предрешиено заранее. Но кто мог подумать, что она решит вернуться к сфабрикованному процессу через год?

Статья вызвала в городе эффект разорвавшейся бомбы. О ней спорили, ее обсуждали. К затронутой «Независимой газетой» теме присоединились другие издания. По фактам, изложенным в статье, было начато расследование. Несколько человек из прокуратуры и судебной коллегии были вынуждены подать в отставку. В их числе был и судья, подписавший приговор Сэвиджу.

Сейчас, на волне этих событий, самое время было потребовать пересмотра несправедливого приговора, но этому мешало одно серьезное обстоятельство: сам Сэвидж как в воду канул.

Лето, между тем, двигалось к концу. И вот однажды в сумерках, когда Дина возвращалась с работы, ее возле дома тихонько окликнул знакомый голос и из темноты возник Нед.

Дина охнула, торопливо отперла дверь, провела нежданного гостя в комнату.

– Слава Богу, появился. Тут такие дела творятся, а от тебя ни слуху, ни духу. Я уж не знала, что подумать. Где ты пропадал?

Нед неохотно ответил:

– Уголь грузил в Лисском пароходстве.

У Дины округлились глаза:

– Нед, сумасшедший! Ведь тебя там запросто могли поймать! Там полиция на каждом шагу!

Сэвидж усмехнулся:

– Ну, как бы они меня узнали? Документов там никаких не требуется, работают артели, все бродяги, вроде меня. А на лицо мы там все одинаково красивые – на чертей похожи. Там же пыль угольная целый день столбом стоит. Ее и надышишься, и наешься, и сам, как дьявол, в этой пыли, потом не отмоешься, зато ни один коп не узнает, да и не суются они туда лишний раз. А мне только того и надо было.

– Все равно, мог бы как-нибудь сообщить, где ты. Письмо прислать, что ли.

Нед смущенно поморщился:

– Понимаете, не силен я писать. Да и копы могли прочитать, мало ли... Вот, сам пришел.

Дине вдруг стало неловко перед Сэвиджем. Умение писать, такое естественное для нее, представлялось этому парню настолько трудным, что ему проще прийти самому, обманув полицию и шпионов, чем написать письмо. Зато жизнь очень хорошо научила его другому – как выжить, если удача поворачивается спиной и нету рядом ни родных, ни друзей...

Чтобы скрыть свои мысли, она засуетилась:

– Что же я стою! Ты, наверное, голодный? Сейчас будем ужинать.

Она торопливо накрыла на стол, поставила перед Недом тарелку.

– Ты ешь, а я пока расскажу, что у нас тут происходит.

Разговор затянулся далеко за полночь. Динин дом был, пожалуй, сейчас самым безопасным местом для Сэвиджа и, немного поколебавшись, она оставила его ночевать.

Дина постелила Неду на диване в столовой, ушла к себе. Нед остался один. Он впервые был в доме, который про себя относил к категории богатых, и теперь с любопытством смотрел по сторонам. Внимание его привлекли какие-то искорки на буфете. Он подошел поближе. На полке лежали кольцо и серьги с рубинами. Нед взял их в руки, поднес к свету. Судя по весу, золото и камни были настоящими. Сэвидж подбросил украшения на ладони, усмехнулся, положил их обратно на буфет. Через минуту он уже крепко спал.

А Дине не спалось. Глубокой ночью она потихоньку прошла в столовую. В открытые окна светила луна, все было видно, как днем. Сэвидж спал на спине, правая рука свесилась с дивана. Дина на цыпочках подошла к нему, осторожно подняла руку, всмотрелась в лицо спящего парня.

Ни разу еще не видела она Неда таким измученным. Вечером он разговаривал, смеялся и казался таким же, как обычно. Сейчас отчетливо стало видно, как заострились скулы, ввалились глаза. Пересохшие, потрескавшиеся губы плотно сжаты, и горькая складка лежит возле них. Даже во сне хмурятся темные брови. Как же ему досталось!

Дина вдруг испугалась, что Нед во сне почувствует ее взгляд и торопливо вышла из комнаты.

Им повезло больше, чем можно было ожидать. В ходе служебной проверки, вызванной публикацией в «Независимой газете», некоторые дела были возвращены на доследование. Среди них было и дело Сэвиджа. Сейчас, к концу августа, работа над ним была завершена и с судебным заседанием не тянули. Оно было назначено через пять дней.

Правда, все, кроме Дины, выражали сомнение в том, что Сэвидж явится на заседание. Для его это означало совать голову в пасть голодного льва и, в случае неудачи, грозило пятью дополнительными годами заключения.

Но, пожалуй, впервые в истории суда, обвиняемым по таким статьям сам явился на заседание и рядом с ним не стоял конвой. Нед сидел на том же самом месте, что и в прошлом году, но это был не тот оборванный, грязный бродяга, что люди видели тогда. И серая рубашка, и парусиновые матросские брюки чисты и опрятны, золотистые волосы коротко подстрижены. Серые глаза кажутся светлыми на загорелом лице. Он выглядел абсолютно спокойным. Пожалуй, только Дина и Ковалёв догадывались, что творится сейчас в душе у Сэвиджа.

Заседание длилось недолго. Суд не нашел в материалах следствия достаточных доказательств вины подсудимого. Сэвидж был оправдан за недостатком улик.

Нед был рад покинуть поскорее здание суда. Полутёмный коридор вывел его в небольшой скверик. Там, на ближней скамейке, сидел человек. Он повернулся на звук открывшейся двери и Нед узнал Ковалёва. Первым движением Сэвиджа было уйти, но рядом стояла Дина, да и Ковалёв уже подходил к ним. Избегая смотреть ему в глаза, Нед шагнул навстречу. Повисло неловкое молчание. Первым нарушил его Ковалёв:

– Что ж, прими мои поздравления, Нед. – Сэвидж поднял глаза.

– Простите меня, если можете. Я принёс вам немало горя, я знаю. Я многое понял с тех пор, как ушёл из коммуны. Тогда я был просто дурак. Простите.

– Что ты, мальчик. Я вовсе не сержусь на тебя. Если бы тогда я попытался разобраться, как знать... Быть может, твоя жизнь сложилась бы иначе. Ведь у тебя были хорошие способности, тебе надо было учиться...

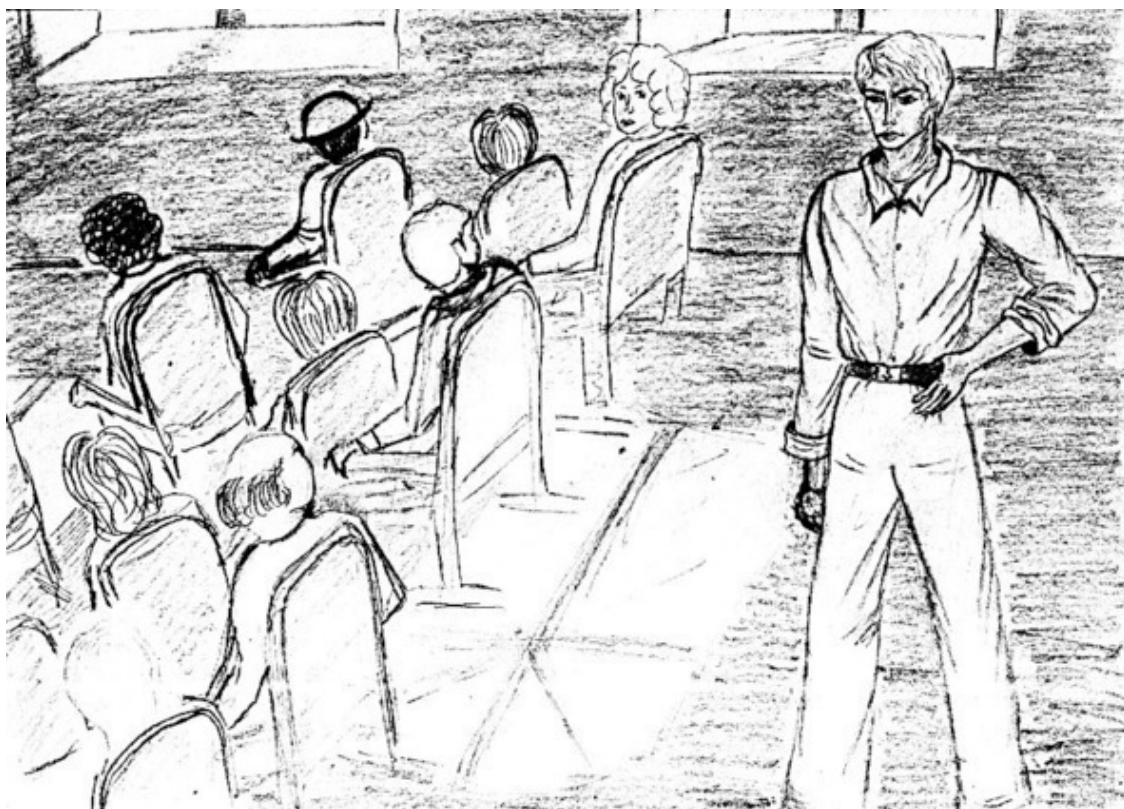
– А я вместо этого шатался по кабакам да сидел по тюрьмам. Это вы хотели сказать?

– Что ты, Нед... – растерянно начал Ковалёв, но Сэвидж перебил его.

– Не отвечайте, не надо. Я знаю, что вы не сказали бы этого, но про себя вы это подумали наверняка... До коммуны я не знал иной жизни, чем та, которой я жил. В ту зиму я впервые подумал о том, что можно жить иначе, не так, как я. Но как достичь этой иной жизни, я тогда не понял и решил, что бездарно трачу время. Вместо того чтобы набраться терпения и идти к поставленной цели, я стал доказывать себе и всем вокруг, что я – последняя сволочь. Кажется, мне это удалось. Если бы не Дина, я давно спился бы или угодил на нож в одной из драк.

Ковалёв взглянул на сидящую поодаль Дину.

– Да, эта девушка стоит слов благодарности. Береги её, Нед. Такие люди редко встречаются в наши дни.

Вечером того же дня Нед вновь был у Дины.

– Чем ты думаешь теперь заниматься, Нед?

– Чем? Да всё тем же. Буду жить на берегу, рыбачить...

– И не только рыбачить?

Сэвидж помрачнел, ответил, глядя в сторону:

– Не всё просто, Дина. Чтобы уйти от них, мне надо заплатить выкуп, большую сумму. У меня нет таких денег.

– У меня отложено кое-что. Я могла бы дать тебе часть.

– Я не смогу вернуть этот долг. Да вы и так уже помогли мне. Эту проблему я буду решать сам.

– Но ты можешь обещать, что, как только наберешь нужную сумму, уйдешь от этих людей?

– Да. Я уйду, как только сумею...

Нед не сказал Дине, что проблема не только в деньгах. Контрабандисты не прощали отступников, и он знал случаи, когда человека, пришедшего платить выкуп, больше никто не видел.

Его невеселые размышления прервал звонок в дверь. Дина вышла в прихожую и вернулась вместе с пареньком в студенческой куртке.

– Познакомьтесь. Это Тим Клэр, студент-биолог, а этого молодого человека зовут Нед Сэвидж. Вам какое-то время придется побыть вдвоем, мне надо сделать кое-что на кухне.

Она вышла из комнаты и в гостиной повисла тишина. Нед не торопился начинать разговор, сидел у окна, крутил в пальцах спичечный коробок. Первым нарушил молчание Тим.

– Я очень рад, что сегодняшней день оказался удачным для вас. Я был на прошлогоднем заседании и поразился необоснованности обвинения. Не было приведено ни одного мало-мальски стоящего доказательства... («Будь они стоящими, сидеть бы мне восемь лет по приговору, плюс пятёрку за побег», – прибавил мысленно Нед) Надо признать, что вы заставили меня пересмотреть кое-какие свои взгляды. («Вот как?»). Откровенно говоря, я считал, что люди, живущие в неблагоприятных жизненных условиях, стоят на несколько более низком уровне развития интеллекта, чем те, кто живет в условиях благоприятных. Но я ошибался... («Чтоб ты сдох, болтун! Обзываешь в научной форме дураком и думаешь, что я ни о чём не догадаюсь. Как бы тебе повежливее ответить?»)

– Да, вы ошибались! И я, и другие, подобные мне, живущие, как вы сказали, в неблагоприятных жизненных условиях («Получил, студент? Думал, не выговорю?»), а попросту, в нищете, ничуть не хуже и не глупее тех, кто рос в тепле и ласке родительского дома. Мы темнее и невежественнее, среди нас мало грамотных людей, потому что нам гораздо важнее было научиться добывать кусок хлеба. И если мы идем на преступление, то часто просто затем, чтобы не сдохнуть с голоду. Вы ещё мало видели в жизни, Тим, но очень скоро вы поймете, что люди делятся на хороших и плохих не по толщине кошелька.

– Простите, если я обидел вас. Право, я не хотел.

– Я понимаю, и поэтому не обижаюсь («Хотя мог бы. Но мне начинает нравиться этот мальчишка. Не мешает его предупредить»). Я знаю, вы ищете приключений, вас тянет ко всему, необычному для вас. Но, поверьте, никому в жизни я не пожелаю попасть в переделку вроде моей. Со стороны, быть может, это увлекает, а на самом деле в тюрьме холодно и тоскливо, особенно весной, мешки с углем, которые грузят на пароходы, тяжелы и больно обдирают плечи, потрёпанная одежда не защищает ни от дождя, ни от ветра, а нож и пуля убивают настоящего, навсегда. Нет, это вовсе не так интересно, как кажется на первый взгляд («Это совсем неинтересно, но ты мне не поверишь»).

– Но ведь вам нравится такая жизнь? («Вот, пожалуйста. Я же предупреждал, что ты мне не поверишь. Так и вышло. Если я так живу, это еще ничего не значит»).

– Нет, Тим. Больше всего по душе мне было бы сесть в лодку под парусом и отправиться поглядеть, как живут люди в других местах, вдалеке от Лисса и Зурбагана. Но мне надо есть, пить, одеваться, где-то укрываться от непогоды, а на всё это нужны деньги, которых мне просто так никто не даст. И всё мое время уходит на то, чтобы эти деньги раздобыть.

– В том числе и контрабандой?

– Да. Если я не могу заработать деньги честным путем, я буду зарабатывать их так, как могу, в том числе и контрабандой, вы не ошиблись.

– Но ведь можно поступить матросом на какое-нибудь судно или стать рыбаком?

– Вы думаете, я не пробовал? Ни один капитан не возьмет на борт матроса, считающегося неблагонадежным, если не будет безвыходного положения. А в порту полно безработных, согласных на любые условия. Что же до рыбаков... Зайдите как-нибудь в рыбацкий поселок, Тим, посмотрите, как живут рыбаки. Ведь и у них, если только они не занимаются ремеслом вроде моего, не каждый день есть кусок хлеба на столе. Да и контрабанда не такое уж плохое ремесло, лучше, чем воровство или попрошайничество.

– Тем не менее, за нее наказывают?

– Да, потому что властям не нравится, когда жирный кусок проплывает мимо них... Для чего вам всё это, Тим? Вы благополучный мальчик из хорошей семьи, спокойно окончите свой университет, станете учёным, и вас никогда не коснутся проблемы, о которых вы так горячо сегодня рассуждаете. А знакомство с бродягами и преступниками может сильно подорвать вашу репутацию и огорчить ваших родителей.

– Но ведь вы не бродяга и не преступник, вас оправдали сегодня!

Нед зло рассмеялся

– Конечно, сейчас я не бродяга, потому что имею крышу над головой, и в перерывах между арестами даже иногда ночую под этой крышей. Но до этого я много лет бродяжничал и у меня, между прочим, еще одна судимость, за ножевую драку. Да и этот год тюрьмы никуда не денешь. Так что, Тим, я для вас весьма неподходящая компания.

– Но ведь Дине вы так не говорите?

Нед закусил губу

– Запрещённый приём. Я был бы последней свиньёй, если бы сказал ей что-нибудь подобное. Да она и сама всё понимает. А вот вас не мешало предупредить... А вообще, Тим, я просто завидую вам чёрной завистью. Хотел бы я быть таким беспечным, и знать столько, сколько знаете вы с Диной. Да, видно, не судьба. Мальчишкой не успел выучиться, а теперь уже поздно.

– И вовсе не поздно, Нед! Ну, я понимаю, вы не можете заниматься каждый день. Но раз-то в неделю можно выбрать время, чтобы взяться за книги? Хотите, я буду приходить к вам, ну, скажем, по воскресеньям, и объяснять непонятное?

– Если только вы не боитесь... А впрочем, спасибо вам, Тим!

У Тима засветились веснушки

– Значит, мир?

– Мир! – и Нед улыбнулся по-мальчишески весело, пожимая протянутую Тимом руку.

Часть 2. Обретение имени

*Я верю, если только
что-нибудь,
Мне бросят круг
спасательный
матросы...
(В. Высоцкий)*

Пришла осень. Вышла замуж и уехала в другой город Дина Быстрова. Все реже появлялся у Сэвиджа Тим. Занятия в университете оставляли мало времени на длительные прогулки. Както в середине октября, выполняя давно данное обещание, Тим отправился к Неду. Вопреки обычному, день стоял пасмурный и ветреный, с мелким холодным дождём. Ещё издали увидел Тим, что Сэвиджа нет дома. Дверь была заперта на засов снаружи. Тим не раз говорил Неду, что его могут ограбить, но тот лишь смеялся: «Сам бы всё отдал, кто бы только взял!». Сейчас же отсутствие замка было на руку Клэру.

До этого Тим лишь раз или два был в доме у Сэвиджа. Обычно они сидели снаружи, где под навесом был устроен стол и скамейки. Но непогода заставила Тима войти внутрь. Только теперь до него дошло, почему его приятель не боялся воров... Неприкрытая бедность глядела на него изо всех углов. Самодельная мебель, набитый соломой матрас, вытертое до состояния марли одеяло. В невысокое окно сочится серый осенний свет.

Стукнула дверь. Страхивая ладонью с плеч дождевые капли, вошёл Сэвидж.

– А, Тим! Признаться, я не ожидал тебя сегодня, уж больно паршивая погода... – Тим уловил запах вина.

– Ты что, пил?

– А если и пил, так что? Тебе-то что за дело?

– Я отвечаю за тебя перед Диной, Нед...

– Ты?! – Нед усмехнулся, потом вдруг помрачнел. – Ты сопляк, мальчишка передо мной! Я на пять лет тебя старше, а по жизни, так лет на двадцать. Как ты можешь за меня отвечать?

Тим примирительно положил ладонь на плечо Сэвиджа, мягко, но настойчиво повторил:

– И всё же я отвечаю за тебя, Нед. Ты ведь знаешь, Дина спрашивает о тебе в каждом письме. И что я должен ей написать? Что ты снова начал пить?

– Брось, Тим, не надо. Многие живут так же, как я.

– И спиваются к тридцати годам! Ты не будешь пить, а если напьёшься, я первый плюну тебе в лицо! – Глаза Сэвиджа недобро блеснули.

– Попробуй!

– И попробую!

Они стояли у стола лицом к лицу. Тим был почти на голову ниже Неда, тоньше и уже в плечах и конечно, не имел такого опыта уличных драк, но сейчас он вряд ли испугался бы широкоплечего и рослого Сэвиджа. А тот разглядел в лице Клэра что-то такое, что заставило разжать кулаки и отступить на шаг не страшщегося никаких угроз парня.

Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза, потом Нед резко отвернулся, отошёл к окну. Ещё не глядя на Тима, он заговорил, и голос его звучал глухо:

– Ладно, замнём. Мы оба наговорили лишнего... – Он обернулся, шагнул к Тиму. – Спасибо тебе... друг!

Тим взглянул ему в лицо. Нед был серьёзен. Он смотрел на Тима, прямо ему в глаза, и протягивал руку. Тим нерешительно взял её и почувствовал, как горячие пальцы стиснули его ладонь.

– Спасибо, Тим! Извини, я сегодня не в себе и наговорил много обидного. Не принимай всерьёз мои слова.

– Я не обиделся, Нед, но... Ведь так же нельзя! Мало ли что ещё случится в жизни! Что ж, так и будешь напиваться каждый раз, как столкнёшься с трудностями?

– Тим! Неужели ты думаешь, что я сам не говорил это себе? Если бы я напивался каждый раз, как вижу препятствие, то, боюсь, я не просыхал бы никогда... Но порой бывает тошно, Тим! Так тошно, что хоть в петлю... Я имел неосторожность полюбить женщину, которой недостойн. Возможно, когда-нибудь я сумел бы заслужить её, но она вышла замуж, а значит, потеряна для меня навсегда. Ради неё я нашёл силы порвать с прошлым, ради неё старался измениться, но теперь её всё равно, что нет и всё, что я делаю, потеряло смысл...

– Ты сам-то себя слышишь? Что значит: «Потеряло смысл»? Ты что, хочешь вновь стать таким, как до встречи с Диной?

Сэвидж вдруг потемнел, словно от резкой боли.

– Нет! Нет, никогда! – вырвалось у него из самой глубины души.

Дни шли за днями, недели сменяли друг друга. За слякотной зимой и пышной весной вновь пришло лето. Пора было сдержать данное Дине слово.

Весь год Нед играл в опасную игру, собирая деньги на выкуп, и к августу нужная сумма была набрана. Если бы только босс узнал, какие дела проворачивал у него за спиной Сэвидж, жить тому осталось бы ровно столько, сколько времени будут добираться до него головорезы Коротышки Билла, первого подручного у босса. Впрочем, то, что задумал Нед, было ненамного безопаснее.

Сэвидж недорого ценил свою жизнь, но Тима следовало предостеречь, и он решил оставить записку для него. Нед знал, что, не застав его дома, Тим непременно явится в порт, поэтому надежнее всего было передать письмо с кем-нибудь из знакомых. Но, как назло, в этот день Нед не мог найти никого, кому можно было бы доверять. Наконец, на палубе шхуны с библейским названием «Мария», он увидел Мареса Оста, давнего своего знакомого. Сэвидж окликнул его. Марес взглянул на причал, нехотя подошел к борту.

– Чего надо?

– Спустись, разговор есть.

Марес, ворча что-то о том, что разговаривать им не о чем, все же спустился по трапу.

– Слушай, очень тебя прошу, если встретишь Тима Клэра, студента, передай ему эту записку.

Ост хмуро взглянул на Сэвиджа.

– Оставь-ка ты мальчишку в покое, вот что я тебе скажу! Нечего тянуть его в свои дела!

Он повернулся уходить, но Нед схватил его за плечо.

– Постой, послушай! Мне больше некого попросить о помощи. Здесь ничего особенного не написано, можешь прочитать. Очень прошу, помоги!

Что-то в голосе Неда остановило Оста. Он взял записку, недоверчиво глянул на строки. Нахмурился, прочитал второй раз. Поднял глаза.

– Что все это значит?

– Только то, что написано. Я решился на опасный шаг и возможно, что не доживу до сегодняшнего вечера. Тим единственный, кто стал бы меня искать и, чтобы он не натворил глупостей и не засветился перед ненужными людьми, я и пишу эту записку.

– Так. А теперь медленно и по порядку. Давай-ка присядем.

Они сели в тени старых складов и Сэвидж стал рассказывать о том, что он хочет сделать. Марес слушал его, внимательно вглядываясь в парня. Много лет он знал Сэвиджа, помнил

его еще мальчишкой. Были они ровесниками, какое-то время судьбы их были очень похожи, но потом пути разошлись. Матросский сирота, выросший в нищей хижине на Сигнальном пустыре, с десяти лет кормивший себя и больную мать, похоронивший ее в пятнадцать, Марес лучше многих знал, как непросто было жить Неду Сэвиджу. Но он твердо уверен был в том, что человек в любой ситуации должен оставаться человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.